

Психологические аспекты симуляции бредаподобной симптоматики в экспертной практике

Морозова М.В., кандидат психологических наук, заведующая Отделением психологии ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского» Минздрава РФ (ekspertiza21@mail.ru)

Савина О.Ф., кандидат психологических наук, Старший научный сотрудник лаборатории психологии отдела СПЭ в уголовном процессе ФГБУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского» Минздравасоцразвития России (psychol1@yandex.ru)

Кузнецов И.В., медицинский психолог, ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского» Минздравасоцразвития России, отделение психологии (Kuznetcov28@mail.ru)

В статье рассматриваются актуальные для дифференцированной и научно обоснованной экспертной квалификации психологические аспекты симуляции бредового расстройства. Результаты, полученные при проведении экспериментального исследования направленными методиками лиц, симулирующих в процессе судебно-психиатрической экспертизы психическое заболевание, позволили на основании статистического, в том числе кластерного, анализа выделить специфичные для указанного контингента сочетания когнитивно-стилевых характеристик с особенностями мыслительной деятельности и творческого потенциала. Было установлено, что констелляция определенных когнитивных контролеров, особенностей процесса обобщения, уровня и качества фантазийной продукции, при наличии соответствующей мотивационной установки, является predisposition для формирования и предъявления бредаподобных построений. Авторами в качестве ведущих выделены: толерантность к нереалистичному опыту, средне-высокий уровень творческого потенциала, полнезависимость, которые, будучи сопряжены с различными особенностями интеллектуальной деятельности, способствуют созданию тех или иных квазибредовых концепций.

Ключевые слова симуляция, когнитивные стили, бредаподобная продукция, творческий потенциал.

В психиатрической экспертной практике проблема дифференциации психопатологии от ее симуляции всегда стояла достаточно остро. Разграничение бредовой и симулятивной бредоподобной продукции особенно важно в связи с их внешним феноменологическим сходством при диаметрально различии в экспертной оценке и, соответственно, юридических последствиях. Традиционно диагностика симуляции базируется на клинко-психопатологическом методе и теории патопсихологических симптомокомплексов [2], позволяющих на основании данных патопсихологического эксперимента выявить структуру истинных нарушений психической деятельности, соотносимых с конкретными психическими расстройствами, разграничивая их с нарочито предъявляемой продукцией.

Хотя первичным механизмом симулятивного поведения является мотивация, успешность этой деятельности обусловлена наличием определенных когнитивных и личностных составляющих подэкспертного. С развитием судебной и медицинской психологии стало возможным выявление психологических коррелятов бредообразования, позволяющих дифференцировать психопатологическую продукцию от симулятивной. Среди различных форм симуляции значительно чаще стали предъявляться бредоподобные концепции [4], которые необходимо дифференцировать не только от психопатологии, но и с мировоззренческими, религиозными взглядами, астрологическими представлениями, проявлениями мистицизма и эзотерики в обыденном сознании, что присутствует как у психически здоровых, так и у лиц с психическими расстройствами. В последнее время данная тема практически не разрабатывалась клиницистами и осталась вне поля зрения медицинских психологов, несмотря на востребованность в практике более совершенных методов и критериев для диагностики симулятивного поведения. Указанное выше и определяет актуальность данного исследования.

Согласно клиническим представлениям [5], бредоподобные высказывания симулянтов как продукт вымысла по сравнению с психопатологической продукцией отличаются однообразием, отрывочностью, фрагментарностью, отсутствием развития фабулы, лишены специфичного для бредовых больных эмоционального и поведенческого сопровождения, при этом предъявление «необычных переживаний» носит театральный, настойчивый характер с проявлениями драматизации, помимо прочего, маскирующими неспособность детально описать отсутствующие в реальности переживания. Качественно отличаясь от бредовых образований, тем не менее, одной из ведущих predispositions симулятивной продукции, как и бреда, по мнению психологов [3], являются особенности функционирования когнитивной сферы, а также специфика фантазирования, способности к комбинированию и творческой переработке своего и чужого опыта, значимой и нейтральной информации.

Целью настоящего исследования было выявление когнитивно-стилевых характеристик и особенностей творческого процесса у лиц, симулирующих бредовую симптоматику.

Было обследовано 111 человек, направленных на судебную психиатрическую и комплексную психолого-психиатрическую экспертизы в ФГБУ «ФМИЦПН» Минздрава России, с бредоподобными высказываниями. Экспертной комиссией у 18

из них было квалифицировано наличие симуляции. Результаты обследования этой группы и являются предметом анализа в рамках настоящей статьи.

Основными методами исследования были биографический, в сочетании с клинико-психологической беседой, экспериментально-психологический, сопрягающийся с методом наблюдения, а также статистический. В экспериментально-психологический метод, помимо стандартного патопсихологического обследования в рамках экспертного освидетельствования с использованием патопсихологических функциональных проб, личностных опросников и проективных заданий, вошли и специально направленные методики: тест психодиагностики творческих способностей Торренса, Тематический апперцептивный тест, тест Чернильных пятен Роршаха, тест «Фигуры Готтштальдта», «Сравнение похожих рисунков» по Кагану, Методика словесно-цветовой интерференции (тест Струпа). Полученные результаты подверглись статистической обработке при помощи пакета Statistica 7.0.

В качестве теоретической базы применялась теория деятельности, как наиболее релевантная и продуктивная при проведении настоящего исследования, а в качестве прикладной – теория когнитивных стилей. Указанный подход дал возможность анализировать интеллектуальную деятельность, как сложный процесс взаимодействия когнитивных, динамических, регуляторных, мотивационных составляющих, поскольку когнитивные стили являются формой интеллектуальной активности более высокого порядка, а индивидуализированные способы переработки информации тесно связаны с потребностями, мотивами, эмоциями. Из спектра предложенных исследователями [7, 8] когнитивных стилей было выбрано 5, что определялось их взаимодополняющим характером, отражающим различные феномены интеллектуальной деятельности: форму, способ переработки информации, predisposition индивидуального осмысления явлений действительности, динамические особенности и проявления контроля:

- полезависимость/полenezависимость (интегральная характеристика, связанная с восприятием, мышлением, мотивационной сферой, Я-позицией, особенностями взаимодействия с окружающими);
- узость/широта категории (операциональные и смысловые характеристики интеллектуального процесса);
- ригидность/гибкость познавательного контроля (динамическая и регуляторная характеристика деятельности, отражает возможность использования вариативных способов переработки информации в ситуации когнитивного конфликта);
- толерантность/нетолерантность к нереалистическому опыту (демонстрирует интеллектуально-личностную реакцию на перцептивную неопределенность, готовность воспринимать «невозможные» аспекты происходящего, опосредованно отражает некоторые проявления креативности: ориентацию на шаблоны, стандарты или легкость отхода от них);

• импульсивность/рефлексивность (мера соотношения ориентировочной, контрольной и исполнительной фаз в динамике деятельности и ее структуре, отражает содержание и качество интеллектуального процесса, его продуктивность, объем той информации, которую субъект собирает до принятия решения).

Помимо выделения базовых когнитивно-стилевых характеристик, существенными оказались общие показатели качества интеллектуальной продукции в рамках структурированных и проективных методик, а также творческого потенциала. Анализ особенностей творческого процесса определялся тем, что предъявление бредоподобной продукции симулянтами является результатом активного вымысла, поскольку у них отсутствуют собственные патологические личностные смыслы [5] – это и предполагает, на первый взгляд развитые фантазию и воображение. «Потенциал фантазирования» связан с реальным миром, зависит от «богатства и разнообразия прежнего опыта» [1, с. 24], особенностей потребностно-мотивационной сферы и интересов человека [6], а также интеллектуального и эмоционального факторов. Фантазии при этом проходят определенный круг своего развития: элементы, взятые из реальности, подвергаются сложной переработке и превращаются в продукты воображения, после чего воплощаются и возвращаются в виде конечного образа, изменяющего эту реальность.

В ходе проведенного нами исследования обратил на себя внимание тот факт, что среди изученного контингента лишь один человек не обнаруживал признаков психического расстройства, в то время как у большинства выявлялись «Органическое расстройство личности» (F. 07) и «Личностное расстройство» (F. 60-61), не исключаящие вменяемости. Это позволяет говорить о том, что нарочитое предъявление бредоподобной продукции в качестве защитной стратегии поведения выбирают лица с проблемами в аффективной сфере, а также с пониженными личностными и регуляторными ресурсами.

В экспериментально-психологическом исследовании субъекты достаточно опосредованы в поведении и реакциях, ориентированы на оценку их действий, результатов работы с психологом, улавливают нюансы взаимодействия, что свидетельствует о наличии у них способностей регулировать свое поведение в соответствии с собственными защитными установками. Они не обнаруживают грубых расстройств интеллектуальной деятельности, нарушений мотивационного компонента мышления и контролирующей функции, проводят мыслительные операции с преимущественным использованием существенных категориальных признаков объектов за исключением единичных случаев актуализации субъективных оснований; логические соотношения в основном устанавливают и переносят верно. Следует также отметить, что у данного контингента достаточно высокий уровень произвольного внимания, способность к его удержанию и, в то же время, переключению.

При работе с проективными методиками не отмечалось перцептивных искажений, создаваемая продукция свидетельствовала о четкости мышления и включенности эмоционального компонента в интерпретацию образов.

Творческий потенциал этих подэкспертных находится в континууме от низкого до высокого с преобладанием средне-высокого при хорошей разработанности и оригинальности фантазийных образов.

Повышенная тревога в большей части ситуативно обусловлена и не сочетается с агрессивными тенденциями, эмоциональным напряжением и ощущением опасности, которые проявляются преимущественно в зависимости от личностной диспозиции.

По когнитивно-стилевым характеристикам, исследуемые подэкспертные распределились следующим образом:

- 1) полнезависимые – 11 человек; 7 – полезависимые;
- 2) узость категорий – 17 человек; 1 – широта категорий;
- 3) ригидность – 14 человек; 4 - гибкость;
- 4) толерантность к нереалистичному опыту - 11 человек; 7 - нетолерантность;
- 5) импульсивность – 6 человек; 12 – рефлексивность.

Как видно из представленных данных, у лиц, симулирующих психическое расстройство, преобладающими из когнитивно-стилевых характеристик являются узость категорий, ригидность, рефлексивность, полнезависимость и толерантность к нереалистичному опыту.

При кластерном анализе выявлены взаимозависимые сочетания¹ когнитивных стилей, а также отдельных когнитивных контроллеров в их соотношении с творческим потенциалом и качественными особенностями процесса мышления. Наиболее информативной и обобщенной представляется дендрограмма (см. рис. 1) указанных выше когнитивно-стилевых характеристик, сопряжение которых с другими наиболее значимыми свойствами психической деятельности, не вошедшими в данную дендрограмму, будет также рассмотрено в рамках анализа полученных результатов.

¹ Толерантность к принятию нереалистичного опыта в целях большей дифференцированности оценок была подразделена на подкатегории: толерантность к принятию чужого нереалистичного опыта и продуцированию собственного.

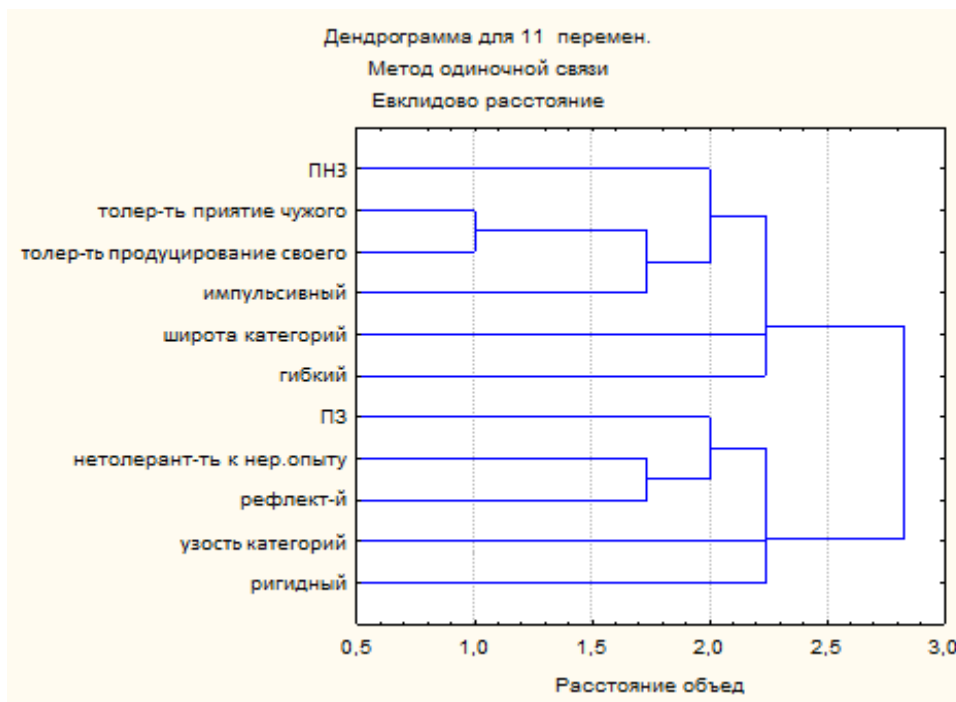


Рис. 1. Сочетание когнитивно-стилевых характеристик у лиц с симуляцией.

Как видно из рисунка, для лиц, предъявляющих симулятивную бредоподобную продукцию, характерно достаточно гармоничное сопряжение когнитивно-стилевых характеристик. Для них значимы сочетания узости категорий и ригидности либо с рефлексивностью и нетолерантностью к нереалистичному опыту, либо с толерантностью и импульсивностью.

Полнезависимый когнитивный стиль проявляется в отсутствии проекции бредоподобных построений в материал заданий в силу несоответствия аффективного фона их фабуле, легкости отвлечения от якобы актуальных переживаний. Лица с гибким контроллером чаще были склонны принимать заведомо нереальный опыт и реже – продуцировать свой собственный, что несколько обогащало фабулу их симулятивных построений, в то время как ригидные обнаруживали стремление руководствоваться рациональными суждениями на основе имеющегося жизненного опыта, что находило свое отражение в упрощенных, зачастую неразработанных концепциях.

Включение дополнительных характеристик в кластерный анализ позволяет связать стилиевые характеристики с уровнем категоризации и особенностями творческого потенциала. Так, узость категорий сочетается с ориентацией на существенные свойства объектов, категориальным уровнем обобщений, ригидностью, которые, в свою очередь, обнаруживают взаимосвязанность с таким контроллером как полнезависимость. При этом полнезависимость образует значимые соотношения с гибкостью, высоким творческим потенциалом и толерантностью к нереалистичному опыту, в то время как низкий творческий потенциал сопрягается с полнезависимостью, нетолерантностью к нереалистичному опыту и рефлексивностью.

Такая когнитивно-стилевая характеристика, как узость категорий, обуславливает четкость и высокое качество обобщений при самостоятельности, способности абстрагироваться от «шумового» эффекта поля, его давления; обнаруживается взаимозависимость узости и с таким контроллером как рефлексивность.

Связь высокого творческого потенциала с гибкостью (4 человека) или ригидностью (14 человек) носит дополнительный характер: гибкость способствует легкости продуцирования собственной продукции, но и ригидность не препятствует этому при наличии толерантности к продуцированию нереалистичного опыта. В определенной степени сдерживает рост творческого потенциала рефлексивность, а также нетолерантность к выходящему за рамки стандартов и стереотипов опыту.

Такая когнитивно-стилевая характеристика, как широта категорий, находится во взаимозависимости с символизмом мышления, легкостью актуализации как малозначимых, так и сугубо конкретных признаков, а также с таким контроллером, как импульсивность. В то же время они сопряжены с полнезависимостью и толерантностью к нереалистичному опыту. Такое сочетание, в целом, характерно для незначительной части исследуемого контингента, но при этом соотносится с высоким творческим потенциалом, толерантностью к нереалистичному опыту.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что продуцирование симулятивных высказываний с сознательным построением концепций бредоподобного характера, зависит не от одного какого-либо доминирующего свойства психической деятельности, а от различных сочетаний в структуре организации когнитивной сферы, причем выраженность некоторых контроллеров (гибкость-ригидность) может «работать» как на высокий, так и на низкий творческий потенциал в случае различных сопряжений с другими характеристиками. Хорошее качество и разработанность творческой продукции у симулянтов базируются, прежде всего, на четкости и высоком уровне обобщений при толерантности к нереалистичному опыту и полнезависимости. В этом случае ни ригидность, ни развитый интеллектуальный контроль с опосредованностью решений не препятствуют, а способствуют фантазированию, которое носит не спонтанный характер, а вплетается в структуру хорошо организованной интеллектуальной деятельности (таких лиц большинство). Такая организация когнитивных стилей позволяет строить бредоподобные концепции, отличающиеся узостью внутреннего содержания при достаточной разработанности четкой схемы с упорным атрибутированием к ней поступающей информации. С учетом способности длительное время произвольно удерживать внимание и успешно его переключать при необходимости, вышеприведенное сочетание характеристик наиболее полно раскрывает механизмы симуляции в виде предъявления бредоподобных построений у большинства лиц исследуемого контингента. В случае же нетолерантности к маловероятному опыту, ригидность и рефлексивность являются барьерами на пути создания креативной продукции, вымыслы, подвергаясь внутреннему сомнению, утрачивают силу убедительности и относительной разработанности.

У симулянтов с широтой категорий, символизмом, импульсивностью при полнезависимости и толерантности к нереалистичному опыту, высокие показатели творческого потенциала возможны, но по структуре когнитивных составляющих базой для фантазийной продукции должно быть спонтанное продуцирование концептуальных построений, которые затем удерживаются и приобретают устойчивость за счет одного, но разнонаправленного контроллера ригидность-гибкость, обеспечивающего различные механизмы: «приспособления» декларируемых идей в рамки обыденных – в случае гибкости, или же настойчивого включения их в предъявляемую систему видения действительности – при ригидности. Представляется, что именно у данного контингента более выраженным будет эффект «личностного» сопряжения и вживания в собственные вымыслы.

Таким образом, наше исследование свидетельствует о том, что базой для симулятивного продуцирования бредоподобных концепций является различное сочетание когнитивно-стилевых характеристик с качественными и динамическими особенностями мышления и психической деятельности в целом. Это определяет разнообразие внутреннего наполнения, «качество», динамику, способы и стратегии предъявления «бреда», степень личностной интеграции с ним. Наиболее универсальными оказались такие характеристики как полнезависимость, толерантность к нереалистичному опыту, достаточный творческий потенциал, которые в зависимости от различных сопряжений создают разные виды predispositions, влияющие на индивидуальные особенности продуцирования нарочито необычных идей. При соответствующей установке именно наличие креативности позволяет симулянтам предъявлять неактуальные переживания как собственные. С учетом того обстоятельства, что фактически все симулянты обнаруживали различные варианты личностного расстройства, можно предполагать, что нестабильная аффективная сфера, проявления аффективной логики в личностно значимых обстоятельствах, также способствовали легкости принятия и реализации симулятивного поведения, как субъективно наиболее приемлемого способа защиты.

Полученные результаты важны как для понимания механизмов продуцирования бредоподобных идей с учетом когнитивных predispositions и ресурсов субъекта, способствующих выбору и эффективному продвижению стратегии симуляции бредовых расстройств при наличии соответствующей мотивационной установки, так и для более тонкой дифференциации симулянтов и лиц со сверхценными и бредовыми образованиями.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Воображение и творчество в детском возрасте. Психологический очерк. 3-е изд. М.: Просвещение, 1991. 93 с.
2. *Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С.* Психологические симптомокомплексы нарушений познавательной деятельности при психических заболеваниях: факторная структура и диагностическая информативность // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1989. Вып.6. С. 86-92.
3. *Критская В.П., Мелешко Т.К., Поляков Ю.Ф.* Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание. М.: Издательство МГУ, 1991. 256 с.
4. Руководство по судебной психиатрии: Практ. пособие / под ред. А.А.Ткаченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2013. 966 с.
5. *Ткаченко А.А., Илюшина Е.А.* Дифференциальная диагностика бредовых и бредоподобных состояний: Методические рекомендации. М.: ФГБУ "ГНЦССП им. В.П. Сербского" Минздрава России, 2014. 27 с.
6. *Узнадзе Д.Н.* Теория установки: к изучению дисциплины. М.: Издательство "Институт практической психологии", 1997. 448 с.
7. *Холодная М.А.* Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004. 384 с.
8. *Witkin H.A., Oltman Ph. K., Raskin E., Karp S.A.* A Manual for the Embedded Figure Tests, Consulting Psychol. Palo Alto, CA: Press, Inc., 1971. P. 3-14.

Psychological aspects of simulation delusional symptoms in expert practice

Morozova M. V., Ph.D in Psychology, head of Psychological department of the V. P. Serbsky State Scientific Center of Social and Forensic Psychiatry of the Federal Agency of Healthcare and Social Development (*ekspertiza21@mail.ru*)

Savina O. F., Ph.D in Psychology, senior researcher at the Psychology laboratory of the Forensic psychological inquiry in criminal cases department of the V. P. Serbsky State Scientific Center of Social and Forensic Psychiatry of the Federal Agency of Healthcare and Social Development (*psyhol1@yandex.ru*)

Kuznetsov I.V., medical psychologist, Psychological department of the V. P. Serbsky State Scientific Center of Social and Forensic Psychiatry of the Federal Agency of Healthcare and Social Development (*kuznetcov28@mail.ru*)

The article considers relevant to the differentiated and science-based expert qualifications psychological aspects of simulation delusional disorder. The results obtained in the pilot study aimed techniques persons in the simulated forensic psychiatric mental illness allowed on the basis of statistical, including cluster, identify specific analysis of this contingent combination of cognitive-style characteristics with features of mental activity and creativity. It was found that certain constellation of cognitive controllers features the process of consolidation, the level and quality of fancy products with an appropriate motivational installation is predispozitciej formation and presentation of delusional constructions. The authors highlighted as key: tolerance unrealistic experience, medium-high level of creativity, polenezavisimsot which, when paired with various aspects of intellectual activity contribute to the creation of certain kvazibredovyh concepts.

Keywords: simulation, cognitive styles, delusional products creativity.

References

1. *Vygotskij L.S.* Voobrazhenie i tvorcestvo v detskom vozraste. Psihologicheskij ocherk. 3-e izd. M.: Prosveshhenie, 1991. 93 p.
2. *Kudrjavcev I.A., Safuanov F.S.* Psihologicheskie simptomokompleksy narushenij poznavatel'noj dejatel'nosti pri psihicheskikh zabolevanijah: faktornaja struktura i diagnosticheskaja informativnost' // Zhurnal nevropatologii i psihiatrii im. S.S. Korsakova. 1989. Vyp.6. pp.86-92.
3. *Kritskaja V.P., Meleshko T.K., Poljakov Ju.F.* Patologija psihicheskoy dejatel'nosti pri shizofrenii: motivacija, obshhenie, poznanie. M.: Izdatel'stvo MGU, 1991. 256 p.

4. Simuljacija i dissimuljacija psihicheskikh rasstrojstv. Rukovodstvo po sudebnoj psihiatrii: Prakt. posobie / pod red. A.A.Tkachenko. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Izdatel'stvo Jurajt, 2013. 966 p.
5. *Tkachenko A.A., Iljushina E.A.* Differencial'naja diagnostika bredovyh i bredopodobnyh sostojanij: Metodicheskie rekomendacii. M.: FGBU "GNCSSP im. V.P. Serbskogo" Minzdrava Rossii, 2014. 27 p.
6. *Uznadze D.N.* Teorija ustanovki: k izucheniju discipliny. M.: Izdatel'stvo "Institut prakticheskoj psihologii", 1997. 448 p.
7. *Holodnaja M.A.* Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma. 2-e izd. SPb.: Piter, 2004. 384 p.
8. *Witkin H.A., Oltman Ph. K., Raskin E., Karp S.A.* A Manual for the Embaded Figure Tests, Consulting Psychol. Palo Alto, CA: Press, Inc., 1971. P. 3–14.